

ИМЕНЕМ ЦАРЯ ДИМИТРИЯ

Роман

КАЗНА ЦАРСКАЯ (7113 годъ от С. М. — 1604 год от Р. Х.)

1

Осень выдалась теплой. В ноябрь-полузимник наконец похолодало. Трое суток лил долгий дождь, а в одну ночь вдруг подул студеный ветер, принес сизые студёные тучи — и выпал снег. Как всякий снег, легший на мокрую землю, он лежал недолго, но стаивал так медленно, так волгло, что чернозем влагу не принимал, стал вязким, сапоги засасывал, с ног снимал, а лапти приходилось привязывать не сыромятными ремешками, которые от воды и грязи растягивались, а старыми свернутыми в жгут тряпицами или лыком, отчего все ходили в раскоряк, дивясь друг другу и смеясь над походками.

Прошел слух, что царь Борис послал казну северским служилым людям, да почти тотчас затих. Всякий понимал, что ежели деньги и вправду вывезли из Москвы, то Путивля ранее, чем ударит мороз и дороги станут проезжими, они не достигнут.

Как на грех, распутица затянулась. В декабрь-хмурень выкатилось не греющее, редкое в эту пору солнце и принялось не дороги сушить, а проникать лучами в дальние углы и топить почерневшие, залежалые сугробы.

Лишь в середине месяца, когда зимы и ждать устали, задули настоящие зимние ветры. Слизнули в два дня с полей всю влагу. Ударил мороз. Повалил сухой, скрипучий, легкий, как девичье дыхание, снег — и Путивль вновь заговорил о том, что доверенный царев боярин Василий Федорович Рубец Мосальский с двумя сотнями московских стрельцов покинул Тулу, где переждал распутицу, и направился на юг, везя в обозе сундук с казной.

Весть ту принес какой-то вислоусый казак, всем незнакомый, но, судя по всему, здесь уже бывавший, ибо ехал он по городу никого не спрашивая ни о чем, сам нашел цирюльню, спешился, привязал коня и, усевшись на стоящую перед домом скамью, приказал:

— Эй, Петро! Постриги под горшок. И живо.

Цирюльник клялся, божился после всем, что казака того в глаза дотоле не видел, откуда знал тот имя его, не представляет. И еще что странно: заплатил казак за небольшую работу целую копейку.

— Добре, — сказал казак, проведя рукою по волосам. — Спаси тебя Бог, Петро, — и тут же спросил: — Нынче Беззубцев в городе — не знаешь?

— А где ему быть? — пожал плечами цирюльник.

Казак сел на коня и поехал прямо к дому сотника Беззубцева, не спрашивая никого про дорогу. Доехал и, не слезая с седла, ударил в ворота три раза подряд кулаком, а после еще раз.

Сотник вышел на крыльцо сам. Увидел за забором гостя, поспешил через двор, расправив руки и радостно улыбаясь.

Народ, конечно, шептался о странном госте Беззубцева, но больше думалось всем о деньгах, что оставался должен царь Борис Северщине за прожитый год...

2

Князь Василий Федорович Рубец Мосальский по прибытии в Путивль занемог. Еще в дороге почувствовал тяжесть в груди и ломоту в суставах. А как прибыл на место, так тотчас слег в палатах воеводы в постель, поливая пуховики брызгами чиха и соплями, текущими из носа столь обильно, что бабы за день меняли ему по пять полотенец. Пил князь богородицыну травку, взвар меда, потел и кашлял, дивясь про себя, откуда в тридцатишестилетнем муже, отроду не болевшем ни разу, взялась такая бездна скверны, извергающейся из всех данных Господом отверстий тела.

Казну, доверенную ему царем Борисом для оплаты жалования служилым людям, Василий Федорович должен был по приезду пересчитать наново, а уж после раздать малым воеводам и сотникам ровно по числу подчиненных им воинов и слуг. Казна была большая, не для одного Путивля, а для всех северских городов. Сил

же для пересчета денег и разговора с дворянами у Василия Федоровича не хватало. Отдать деньги главному воеводе путивльскому Салтыкову, хоть тот и был думским окольным, права князь не имел.

— Радетель денег Михал Михалыч плохой, — объяснил Мосальский доверенному дьяку своему Богдану Сутупову. — Помню, был Салтыков еще мальцом... так на торгу нашел медную деньгу. Дворовый малец — его погодок — был при нем. Сказал: «Отдать те деньги, барич, надо бы твоему отцу». А Миша: «Я нашел — моя деньга». «Тогда надо поискать, что тебе, барич, нужней, — рассудил малец. — Чтобы купленное на пользу было». А Миша: «Что мне на пользу — отец и так приобретет. А вот на сласти лишний раз не растратится». И купил сластей.

Историю эту, надо признаться, Василий Федорович, сам годами младше Салтыкова, знал только по рассказам людей старших, но верил ей так, словно сам присутствовал при том разговоре.

— Мальца дворового потом побили? — спросил практичный Сутупов.

— Обязательно, — ответил князь. — Два десять розг за то, что не сумел барчонка убедить деньгу сохранить.

— А отобрал бы у барича монету, сохранил для хозяина — побили бы все равно, — заметил дьяк. — Судьба дворового мальчика везде одинакова.

Богдан Сутупов в разговоре с князем мог позволить себе такие речи. Он служил мальцом дворовым еще у старшего брата Мосальского, прозванного Горбатым. Но в отроческие годы был передан на службу Василию, стал доверенным ему настолько, что в молодости поставлял князю на задний двор срамных девок из царевых кабаков. Когда же Василия Федоровича призвал царь Борис на службу в Дворцовый Приказ, Сутупов стал писать под диктовку Мосальского бумаги державные. Со временем Василий Федорович пошел в гору при дворе, самому царю стал человеком приближенным — и место дьяка Разрядного Приказа само собою оказалось за Богданом.

— Казну, князь, прикажешь мне раздать? — перевел дьяк разговор на дело. — Служилый люд ждет выдачи жалования. Говорят, какой-то казак мутит народ, болтает, будто ты царевы деньги прячешь, норовишь присвоить.

— Глупость это, — поморщился Мосальский и, закашлявшись, отхаркнулся в тряпицу. — За казну держу ответ перед государем.

— Время смутное, князь, — заметил дьяк. — Москве в Путивле плохо. Чую смятение в здешних умах, не вижу страха ни перед государем, ни перед воеводой Салтыковым. Пока что главная сила — казна — у тебя в руках.

Сундук с деньгами был внесен в гостевую опочивальню воеводининых палат вместе с впавшим в жар Мосальским в день приезда князя в Путивль. Когда совали обшитый железом деревянный ящик под кровать, Василий Федорович, помнится, сказал:

— Осторожней! Там — царская казна.

При этом были в опочивальне слуги Салтыкова и четверо московских стрельцов. Последние и без этого знали про казну. Значит... слуги воеводы разнесли по городу? И князь решил:

— Салтыкова люди разболтали, дьяволы.

— Что теперь виновного искать? — вздохнул Сутупов. — Ты бы, князь, часть денег раздал дворянам и стрельцам. А лучше — самопальщикам¹. Они здесь сила главная.

— Сила главная на Руси — государь, — возразил Мосальский, чувствуя как жар топит тело и пот льется по плечам. — И угождать могу лишь ему одному... — дышать стало тяжело, спорить сил не хватало тем более.

Дьяк, глядя на оплывшее лицо князя, заметил:

— Ты, Василий Федорович, по родству своему и по богатству дух человека выше живота ставишь. Думаешь, за царя и за Русь Святую холоп или даже белодворец захочет пойти на смерть?.. Ан не пойдет. Человек — грязь. Он плоть свою любит больше, чем Бога, хоть даже думает о Нем и говорит порой красно. Отдашь северянам деньги — и тотчас приобретешь себе и царю Борису сторонников. Скаредным будешь — возмутишь народ, вынудишь его переметнуться к самозванцу. Истину говорю.

Князь дьяка не слушал. Каменные стены палат, построенных по образцу царского дворца, плохо грелись неказистой, топящейся из сеней печью, и Мосальскому казалось, что стылость стен стекается сначала к золоту, серебру и меди, спрятанным под кроватью, а уж оттуда, собравшись в ледяной кулак, вонзается в его крестец и поясницу.

— Надо прибрать казну, — сказал Мосальский. — Унеси в потайное место. А Салтыкову скажи, что положенное ратникам выдам сам. Таков приказ государя.

— Ох, батюшка! — покачал Сутупов головой. — Кабы не перемудрил, — и заметил: — Не верят в городе в твою болезнь, князь.

— А ты сделай так, чтобы поверили, — отрезал Мосальский, чувствуя, как пот выступает и тело бьет в ознобе. — Казне найди место и мне покажи. Возьми доверенных людей. Есть такие?

— Как не быть, — ответил, пряча улыбку, дьяк.

Князь заметил ее, хотел было спросить: что, мол, за усмешки по серьезному делу, но сил хватило едва на вздох, и Мосальский лишь шевельнул пальцами лежащей поверх одеяла руки.

Путивльский воевода Михаил Михайлович Салтыков в крестовой комнате своих палат держал совет с сотником самопальщиков Юрием Беззубцевым.

Сидя за столом друг супротив друга, в глаза не смотрели ни тот, ни другой. Воевода был густобород, долгогрив, не по летам сед. Нос курносый, глаза слегка навывкате, серые. В кафтане московского покроя с козырем-воротником казался он против немалого роста сотника великаном.

Сотник сив и бороною, и усами, нос прям, глаза спрятаны глубоко, кажутся черными, но кто видел его днем на улице, знал, что они карие и с желтым блеском. Казался рядом с Салтыковым он ошипанным куренком с вздернутым вверх клювиком потому лишь, что сидел на лавке низенькой и кафтан имел на плечах поношенный.

Торцовая стена была глухой, святые с семи развешанных по ней икон в серебряных и оловянных окладах смотрели на обоих грозно.

— Порох сух? — спросил Салтыков.

— Сух, воевода.

— Ядра к пушкам прикатили?

— Да. И каменные, и чугунные. Рубят и железный лом².

— Колодцы вычистили?

— С осени еще, Михаил Михайлович. Сейчас возводим срубы и крыши.

— А ежели проверю?

— Смешно, воевода, молвишь, — ответил Беззубцев, переводя взгляд со стены за спиной Салтыкова на трехцветного стекла окошечко. — Не только ради державного долга, но и ради спасения животов своих трудимся.

Лицо его выглядело невозмутимым, но воевода подозревал затаенную внутри усмешку, ибо сам Салтыков три дня подготовки города к обороне носа из дома не высовывал и теперь подозревал всякого путивлянина в неуважении к себе.

— Большое войско у расстриги? — спросил главный воевода.

— Тысяч в десять, — ответил Беззубцев. — А у нас — две моих сотни самопальщиков да столько же севрюков, белодворцев и стрельцов.

— Боишься?

Вопрос прозвучал не грозно, и Беззубцев, уставив взгляд в глаза воеводы, ответил твердо:

— Боюсь... — потом продолжил: — Но долг есть долг. Святую Русь должны мы от татя защитить.

Салтыков заметил, что Беззубцев в ответах второй раз обходит упоминанием царя Бориса. Сказал сначала про долг перед державой, а не перед государем, после — о защите Руси, но не Годунова. Не по-русски это: русский человек издревле служил великим князьям, царю, а не Руси. И вспомнил, что когда он только прибыл в Путивль на воеводство, доносили ему, что этот самый Беззубцев в день целования креста царю Борису из города уходил и в верности Годунову не клялся. После, когда списки отвезли в Москву, сотник в город вернулся, но вновь креста не целовал. Салтыкову поначалу было недосуг привести Беззубцева к отдельной присяге, а после как-то забылось. Теперь вот вспомнилось некстати...

— Ты, сотник, что думаешь про него? — спросил Салтыков удерживая взгляд Беззубцева. — Сын он царя Ивана?

А сам подумал: «Скажет: сын — запру в холодную, назову изменником, лазутчиком от самозванца — и завтра же повешу». Но услышал:

— Вестимо нет, воевода. Настоящий Димитрий зарезался в Угличе.

У Салтыкова чуть не вырвалось: «Подлец! Ну, никому нельзя доверять!»

Беззубцев продолжил:

— Я помню, говорили много тогда: и про то, что, дескать, не сам он резанул себя по горлу, а убили царевича. Одни — по приказу, мол, Годунова, другие — царь Федор кого-то подослал. Но это все значит, что мертв сын царя Ивана — не так ли?

«Повесь такого, попробуй», — подумал Салтыков и спросил:

— А что подменили царевича — про такое слышал?

— Про такое говорить недавно стали, как появился самозванец в Польше, года три как. А что?

— Да ничего... — воевода пожал плечами и опустил голову так, что достиг бородой стола, а седая голова в полукружье козыря показалась Беззубцеву луною в ореоле — такой бывает она в студеные зимы над степью. — Тревожно мне.

Ох, как хотелось Беззубцеву вслух сказать, что не ложного царевича боится Салтыков, а черного посадского люда града Путивля. Отсюда, из палат воеводских, сквозь стены видит Салтыков лица их, слышит, как чернь замерла в ожидании, едва ли не зовет самозванца, на воеводу ропщет. Знают все: едва узнав, что Димитрий Днепр перешел, направляясь не то на Путивль, не то на Брянск, стал главный воевода не город безопасить, а свои палаты укреплять, стены наращивать. Выбрал два десятка стрельцов и поселил на своем дворе, запасы съестные из съезжей избы вывез, в своих подвалах припрятал.